

Источник: Шекспир У. Избранные сонеты / Пер. [А. Ю. Милитарёва](#). М. : БД «Русский Шекспир», 2013.

© А. Ю. Милитарёв, 2013

ИЗБРАННЫЕ СОНЕТЫ У. ШЕКСПИРА

Перевод [Александра Юрьевича Милитарёва](#)

1

Потомства ждем от лучших образцов,
чтоб красота была сохранена.
Пусть розы путь — завять в конце-концов,
в бутоне память жить о ней должна.

Но ты, своею красотой пленен,
голодный на пиру, природы чудом
и провозвестником весны рожден —
ты, как свечу, укрыл себя под спудом.

Тот враг себе, кто спорит с естеством,
как роза, не дающая бутона,
но скупость обернется мотовством —
природа мстит преступникам закона.

Верни же в мир, что им тебе дано —
не стань скупцом, с могилой заодно.

2

Когда твой лоб обсадят сорок зим
и рвы избороздят лицо твое,
растает пышный твой наряд как дым
и обратится в жалкое тряпье.

И если спросят, где твоя краса,
сокровище где юности цветущей,
укажешь на запавшие глаза,
что будет похвальбы и срама пуще.

Насколько же достойней, если ты
ответить сможешь, гордость не тая:
мой сын — наследник прежней красоты,
в нем прибыль неразменная моя.

И юностью оправданная вновь,
согреет старость стынущую кровь.

© А. Ю. Милитарёв, 2013

© БД [«Русский Шекспир»](#), 2013

20

Ты, одаренный женской красотой
и сердцем (но без женского пристрастия
к изменам, лжи и болтовне пустой) —
он и она в одном предмете страсти.

Лучистый взор твой (ярче женских, кстати,
хоть дамы строят глазки всем подряд),
атлета стан и благородство стати
мужской и женский восхищают взгляд.

Как будто женщиной тебя создав,
природа взревновала, и с досады
план изменила, у меня отняв
тебя, добавив то, что мне не надо.

Но членом став кружка счастливых дам,
мне дай любовь — а плоть я им отдам.

60

Как волны гонит на песок прилив,
так время гонит чередой мгновенья,
чтобы они, свой краткий век прожив,
поддерживали вечное движенье.

Вот так и мы — родившись, видим свет,
а к зрелости сияет нимбом темя.
Потом — затменье. Света нет как нет,
и все дары берет обратно время.

Закон природы писан навсегда:
жизнь только расцвела — и все, завяла.
А лоб морщин прорежет борозда,
чтобы коса свою делянку знала.

Но над моей строкой не властен плен,
и светлый образ твой не тронет тлен.

66

Я смерть зову, жить среди зла устав.
Мне горько знать, что в нищете рожденный
в ней и умрет, что нечестивый прав,
а честный вечно будет вне закона,

что вера поруганью предана,
что честь молва позором окрестила,
что девственность разврату продана,
что немощь нагло властвует над силой,

что власть искусству затыкает рот,
что сдался разум глупости на милость,
что прямодушный дураком слывет,
что злу добро в прислути подрядилось.

От зла устав, совсем ушел бы я,
но как тебе здесь жить, любовь моя?

71

Во мне ты видишь год в такую пору,
когда не слышно птиц, и листопад,
и веток голых брошенные хоры
без певчих нежных на ветру дрожат.

Во мне ты видишь время дня такое,
когда уж солнцу лить свой свет невмочь
и мир печатью вечного покоя
отметит alter ego смерти, ночь.

Во мне огня ты видишь затуханье,
последний отблеск тлеющих углей

© А. Ю. Милитарёв, 2013

© БД [«Русский Шекспир»](#), 2013

и юностью согретое дыхание
из губ, которым скоро гнить в земле.

Но видишь: тем любовь твоя сильнее,
чем ближе время расставанья с ней.

74

Когда меня возьмут в бессрочный плен
без прав на выкуп за любой залог,
ты не грусти: не властны смерть и тлен
над памятью живую этих строк.

Ты про любовь прочтешь в моих стихах —
про лучшее, что есть в моей судьбе,
а я из праха возвращаюсь в прах,
но дух навек принадлежит тебе.

Что плоть моя? Корм земляных червей,
пожива вора, мусор бытия.
Она не стоит памяти твоей:
что потеряешь ты — уже не я.

Тебе остаться от меня должно
лишь то, что мной в стихах воплощено.

81

Моей ли жизни раньше выйдет срок,
сложу ли эпитафию тебе я —
не вырвет смерть тебя из нежных строк
моих, когда давно в земле истлею.

Для мира я исчезну без следа,
чтобы с землей в простой могиле слиться,
но в памяти людской ты навсегда
незыблемую обретешь гробницу.

Твой памятник останется в стихах,
в веках и в поколении любом,
и люди на грядущих языках
расскажут о тебе, как о живом.

Жизнь вечную творит перо мое
в устах людей, где дышит дух ее.

100

Куда ты делась, муза, что остыл
мой стих? Уже в нем прежней мощи нет.
Или ты тратишь вдохновенья пыл
на менее возвышенный предмет?

Вернись, ленивая, и искупи бездарно
потраченное время! В ухо пой —
в то, что тебе внимает благодарно
и придало перу и смысл, и строй.

Вглядись, беглянка, в милый лик! Восстань!
И если вдруг увидишь увяданья
следы на нем, сатирой гневной стань,
клеймящей злого Времени деянья.

Мою любовь еще скорей воспой,
чем Время косит жизнь кривой косой.

102

Не стала, нет, моя любовь слабей,
а стала тише — но сильнее даже:
когда на всех углах кричишь о ней,
то словно выставляешь на продажу.

Тогда весна любви у нас была
и песнь лилась, как Филомелы трели,
но в пору лета знойного вошла
страсть, заглушив элегию свирели.

Тогда лишь грустный соловьиный свист
ночь оживлял, когда же в птичьих хорах
бушует сад, ликует каждый лист,
восторг всеобщ — и нам не так уж дорог.

В разгар жары мой голос должен сесть,
чтоб пением тебе не надоесть.

107

Ни мой страх смерти, ни один пророк,
что судьбы мира предрекает смело,
хоть жизнь в заем дается нам на срок,
не вычислит моей любви предела.

Затменье наша смертная луна
пережила, авгугов посрамив,
спокойные настали времена,
и прочен мир под кущами олив.

За смутными грядут благие годы,
в них, смерть поправ, любовь обновлена.
Забвенью будут преданы народы,
которым незнакомы письмена.

Тираны все сгнут в гробах своих —
тебя хранит навек мой тихий стих.

124

Когда б, любовь, ты от тщеты пустой
и от судьбы каприза вдруг родилась,
тебя б оставил случай сиротой
изменчивому времени на милость.

Но нет, моя любовь не такова,
ей вечным жить дано — не настоящим,
ей пышные противны торжества,
она стойка к невгодам предстоящим.

Не ей за краткосрочный интерес
служить по найму времени в угоду.
Она высоким целям служит без
оглядки на текущую погоду.

В свидетели былых шутов беру,
что зло творили, присягнув добру.

129

Размен души на пенсы без стыда —
суть похоти, на все злодейства падкой,
поскольку ненасытна, а когда
насытится, о, как на сердце гадко!

И к наслажденью грубому стремясь,
во лжи безумно погрязая гнусной,
потом, бесясь, мы отскребаем грязь —
сеть, что соблазна бес плетет искусно.

Платя безумьем тем, кто ей пленен,
мгновенья наслажденья дарит нам
слепая похоть, зыбкая как сон,
чтоб вылиться в ночных мечтаний срам.

Хоть это знают все, но райских врат
не избежать, ведущих прямо в ад.

130

Пусть снег белей ее мышиною кожи,
и солнца пусть глаза ее тусклей,
пусть с проволокой черной кудри схожи,
и пусть кораллы губ ее алей,

прекрасных роз дамасских полыханью
румянцем щек ее уж не расцвествь,
благоуханней, чем ее дыханье,
на свете много ароматов есть.

И голос, мне приятный и поныне,

© А. Ю. Милитарёв, 2013

© БД [«Русский Шекспир»](#), 2013

пусть музыкой никак не назовешь,
и я не видел, как идут богини,
но шаг ее с их поступью не схож.

А все ж я перед ней гроша не дам
за падких на сравненья прочих дам.

132

Хоть сердцем ты, я знаю, не со мной,
к моей любви я вижу состраданье
в глазах с иссиня-черной глубиной
как в траурном, во вдовьем одеянье.

И, верно, солнца первые лучи
не так живят востока облик серый
и запада угрюмый лик в ночи
не красит так холодный свет Венеры,

как в траурном обличье черных глаз
твое лицо столь несравненно мило
(о, если б сердце, в траур облачась
по мне, хотя б чуть-чуть меня любило!),

что я клянусь: быть черной красота
должна — и к черту прочие цвета!

138

Когда клянется мне любовь моя,
в том, что она — правдивость во плоти,
пусть верит в то, что олух юный я.
Я вижу ложь и верю ей — почти.

В мои-то годы видеться юнцом,
признаться, мне приятно самому!
Да, я обманут лживым языком,

а правда нам обоим ни к чему.

Влюбленный старец хочет возраст свой
скрыть, точно как изменница — свой грех,
чтоб верностью украсить показной
любви покров, хоть в нем не счесть прорех.

Так я ей лгу, и так она лжет мне,
и оба рады этому вполне.

140

Сколь ты жестока, столь же будь мудра,
терпенья не испытывай презреньем,
чтоб для покуда спящего пера
разлада боль не стала пробужденьем.

Тебе ж во благо я тебя уча,
прошу мне слать хоть ложные признанья
(и полумертвый слышать от врача
готов лишь исцеленья обещанья).

Ведь если я в отчаянье впаду
и честь твою чернить бесстыдно стану,
безумный мир любую клевету
безумную начнет мусолить рьяно.

Чтоб твой позор не стал моей виной,
не прячь глаза, хоть сердце не со мной.

144

Две страсти, две любви есть у меня —
мучение мое и утешенье:
он — светлый ангел, воплощенье дня,
она — злой демон, ночи воплощенье.

Чтоб в гроб она меня скорей свела,
переманить его к себе ей надо,
а ей немется сделать духа зла
из ангела, врата разверзнув ада.

Свершилось ли, пока не знаю я,
паденья непотребное деянье —

© А. Ю. Милитарёв, 2013

© БД [«Русский Шекспир»](#), 2013

ведь за моей спиной они — друзья,
и, о, как манит адское зиянье!

Я не узнаю, одолел ли бес,
пока и ангел ей не надоест.

145

С губ, что Венерой созданы
самой, сорвалось «ненавижу»,
хоть, право, я иной вины,
кроме любви своей, не вижу.

Но встретив взгляд мой скорбный, вмиг
она на милость гнев сменила
и прикусила свой язык
(которым прежде мне сулила

блаженство), чтоб сменилась днем
ночь, улетучившись, как бес,
уместным словом, что огнем,
в ад низвергаемый с небес,

и жизнь мне, чуть не погубя,
спасла, добавив: не тебя.

146

Душа, планеты грешной средостенье,
обсаженная тьмой враждебных сил:
зачем ты терпишь, бедная, лишенья
и на убранство зданья тратишь пыл?

Аренды зная краткие пределы,
ты строишь на песке свой дом земной,
чтоб черви догнивающее тело
сожрали — платишь ты такой ценой?

Ведь плоть дана нам духу в услуженье —
пусть чахнет плоть, за счет нее расти!
Продай за вечность суеты мгновенья,
души, не тела, прибыль в рост пусти.

© А. Ю. Милитарёв, 2013

© БД [«Русский Шекспир»](#), 2013

Пожри же смерть — ту, что людьми питалась,
и смерть умрет, чтоб только жизнь осталась.

147

Любовь моя — снедающий недуг.
А чтоб совсем невоготу мне стало,
питаюсь от болезнетворных мук,
еще растет он, но ему все мало.

Мой лекарь — разум отказал мне, злясь,
что снадобий его не принимаю.
И что меня прикончит эта страсть,
ума лишив, я ясно понимаю.

Я без ума не в силах уберечь
сознание от безумья и распада.
Бессвязны мысли, путается речь —
все это за любовь к тебе расплата.

Я клялся, что светла ты и верна,
а ты темна, как ночь — как ад, черна.

149

Сказала зло: не любишь ты меня!
Как, не любя, я б мог, презревши совесть,
быть за тебя во всем, себя кляня,
со всеми, кто клянет тебя, рассорясь?

С кем, кто тебя не терпит, я дружу?
Льщу ли я тем, к кому ты нетерпима?
И не тебя виню, себя сужу,
когда глядишь не на меня, а мимо.

И разве я достоинства свои
ценю не ниже, чем твои изъяны?
Я — раб. Что хочешь, из меня крои,
моя любовь, мучитель мой желанный.

Ты любишь тех, кто видит твою суть.
А я — слепой. Ко мне жестокой будь.

150

Какою высшей силой власть дана
тебе, что мне велит твои изъяны
хвалить и ночь не отличать от дня,
и в истинном подозревать обманы?

Как мог твоей искусной ворожбе
и дару убеждать я, сердцем млея,
поддаться так, что худшее в тебе
мне лучшего в других в сто раз милее?

Кто научил тебя любовь внушать
к тому, что осуждения достойно?
Но ты хоть смой презрения печать
с меня — мне от других его довольно.

То, что люблю тебя я, не ценя,
должна ценить ты — и любить меня.

152

Клянясь в любви ко мне, ты дважды лжешь,
мне изменив и изменив другому —
лишь ненависть другую эта ложь
родит, раз новой страстью ты влекома.

Но мне ль во лжи двойной винить тебя?
Я сам обеты нарушал без меры,
раз клялся твоим именем, любя,
когда давно тебе уж нету веры.

Что любишь, клятвы страшные давал,
что ты верна мне, приносил обеты —

на ложь твою глаза я закрывал,
чтоб видеть то, чего в помине нету.

Я клялся, что добра ты и светла,
чтоб жалкой ложью правду сжечь дотла.